

Анна А. ЗАЛИЗНЯК

ОБ ЭФФЕКТЕ БЛИЖНЕЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ¹

1. Вводные замечания

«Эффектом ближней семантической эволюции» здесь названо неправильное понимание текста, возникающее из-за того, что читатель не распознаёт семантический сдвиг, произошедший в слове или конструкции родного языка, и понимает их в современном ему значении. За тот относительно небольшой для истории языка промежуток времени, который отделяет нас, скажем, от пушкинской эпохи, многие языковые единицы претерпели изменения, которые могут оставаться незаметными для современного читателя; между тем ошибочность результирующего смысла иногда оказывается довольно существенной.

Так, тысячи русских школьников и школьниц, читающих письмо Татьяны к Онегину², понимают идиому *так и быть* во фразе

(1) Но *так и быть!* Судьбу мою // Отныне я тебе вручаю <...> (ЕО, 3, XXXI)³

как выражающую уступку желанию адресата. Современный читатель (в особенности молодой и филологически неискушенный, каковым является рядовой школьник) понимает данную фразу именно так — несмотря на несообразность результирующего смысла: ведь Онегин к тому моменту ничего от Татьяны не хотел. Чуть более внимательное отношение к тексту заставляет в этом месте задуматься и искать причину этой видимой смысловой несообразности: действительно, выражение *так и быть* обозначает здесь вовсе не уступку желанию адресата речи, а решимость покориться судьбе (ср. *Так тому и быть!*). Это более старое значение данного выражения (непосредственно складывающееся из значения частей и конструкции); современное значение уступки является результатом его семантического развития. В пушкинскую эпоху это выражение употреблялось в обоих смыслах, более старый впоследствии был утрачен, в результате чего текст оказался для современного читателя непрозрачным⁴.

А. Б. Пеньковский во введении к книге «Загадки пушкинского текста и словаря» пишет, что это «явление, близкое тому, что принято называть „ложными друзьями переводчика“ <...> но только действующее в сознании читателей, уверенных, что они читают текст на своем языке, тогда как на са-

Пушкина. Неправильная их квалификация, то есть неосознание того факта, что поэт употребляет слово в значении, которое уже ушло из языка, порождает неверное понимание текста» [Еськова 1999: 76].

В работах А. Б. Пеньковского анализируется несколько десятков таких слов, в том числе *скука, лень, желчь, тоска, тошный, мечты, преданье, старина, дева, страсти, сказка, любить, ненавидеть, вздохнуть* и др. (см. прежде всего [Пеньковский 1999; 2003; 2004; 2005], а также посвященную его книге «Нина...» статью [Перцов 2009]). А. Б. Пеньковский очень тонко и убедительно анализирует случаи, когда изменение значения по сравнению с пушкинской эпохой почти незаметно, в частности:

- (2) Но наконец она *вздохнула* // И встала со скамьи своей (...) (ЕО, 3, XLI);
- (3) Я модный свет ваш *ненавижу*; // Милее мне домашний круг (...) (ЕО, 3, II);
- (4) Любимцы счастья, наперсники Судьбы // Смиренно ей несут влюбленные мольбы; // Но дева гордая их чувства *ненавидит* (...) (Пушкин, «Дева», 1821);
- (5) (...) я на досуге поэму, «Евгений Онегин», где *захлебываюсь желчью* (Пушкин, письмо А. И. Тургеневу, 1 декабря 1823 г.);
- (6) На красных лапках гусь *тяжелый*, // Задумав плыть по лону вод, // Ступает бережно на лед (...) (ЕО, 4, XLII)⁷.

Ср. также анализ слов *чрезвычайно* и *замечательный* в языке Достоевского в работе [Добровольский 2005].

В статьях [Добровольский 2001; 2003] исследуется вопрос об изменении, по сравнению с языком Пушкина, норм словоупотребления, касающихся сочетаемости и модели управления, и анализируются употребления типа:

- (7) графиня *услышала* весть... с большим равнодушием (сейчас мы бы сказали *выслушала*); *выжидая остальные минуты* (вместо: *выжидая несколько минут*); не выходило *из его головы* (вместо *у него из головы*); не знаю, как *зовут* деревню, где я венчался (вместо *как называется*); происходило *не от ее воли* (вместо *не по ее воле*); мы *сделали* ему тот же вопрос (вместо *задали вопрос*); *взять* на себя вид (вместо *напустить*), *брать* участие (вместо *принимать*) и т. п.

Таким образом, в работах Д. О. Добровольского речь идет, прежде всего, об изменении способа выражения, в то время как А. Б. Пеньковский концентрирует свое внимание на изменении значения. Однако оба обсуждаемые явления, очевидно, представляют собой две стороны одного и того же феномена. Действительно, изменение значения обычно сопровождается изменением сочетаемости; иногда оно в некотором роде в этом и состоит. Так, наречие *бережно* в современном языке характеризует отношение субъекта к объекту действия (стремление предохранить его от опасностей, с которыми сопряжено совершение субъектом действия, названного глаголом) и тем самым сочетается лишь с такими глаголами, которые описывают ситуации, включающие семантический объект, то есть прежде

всего с переходными: *бережно можно нести, укрыть, положить, развернуть, погладить* и т. д. что-то, но нельзя **бережно забираться на гору* (чтобы не упасть в пропасть), и даже нельзя **бережно идти по клумбе* (чтобы не помять цветы) (см. подробнее [Пеньковский 2004: 208–213]). В пушкинском языке значение этого наречия было шире и, соответственно, шире была сочетаемость. В примере (6) современный читатель, однако, правильно понимает значение наречия *бережно* как «осторожно, чтобы не провалиться», несмотря на то, что это значение отсутствует в современном языке и что это слово обладает другой сочетаемостью.

Вообще, неосознание того факта, что слово или выражение употреблено в каком-то ином, отсутствующем в современном языке значении, вовсе не обязательно ведет к неправильному пониманию смысла высказывания в целом. Так, в предложении *Он принимал большое участие в успехе представления*, разбираемом в статье [Добровольский 2001: 164], автор совершенно справедливо усматривает значение ‘способствовать, содействовать, быть заинтересованным’, которое в современном языке у выражения *принимать участие* отсутствует. Не зная этого значения выражения *принимать участие*, читатель, однако, правильно понимает фразу в целом: это тот случай, когда нужное значение «выводится из контекста» (аналогично тому, как происходит понимание текста на иностранном языке). Причем читатель-нефилолог производит эту процедуру, по-видимому, бессознательно, даже не замечая, что понимание данного выражения требует каких-то дополнительных усилий. Другой пример: у слова *мгновенный* в контекстах типа (8), (9) современным читателем без малейшего труда восстанавливается значение ‘длющийся одно мгновение’⁸. Ср.:

(8) (...) Стоит туман на волнах охладельных, // И слышится *мгновенный* ветра свист
(Пушкин, «Осеннее утро», 1816);

(9) Его неожиданным появленьем, // *Мгновенной* нежностью очей // И странным с
Ольгой поведеньем // До глубины души своей // Она проникнута (...) (ЕО, 6, III).

Подобных примеров можно привести множество.

Тем самым различие здесь именно в эффекте: в одних случаях словосочетание понимается *п р а в и л ь н о*, несмотря на то, что «сейчас так не говорят» [примеры (6)–(9)], а в других — выражение понимается *н е п р а в и л ь н о*, потому что сейчас тоже так говорят, но имея в виду другой смысл [примеры (1)–(5)]⁹.

Именно этот второй случай нас и будет интересовать: когда современный читатель не видит в некотором слове или словосочетании «ничего особенного», ничего, что бы препятствовало его пониманию в привычном для него значении, — и тем не менее, как показывает более пристальный ана-

лиз, значение, в котором употреблено данное слово или выражение, отличается от современного, и незнание этого приводит к искажению смысла читаемого текста. На эту тему, помимо упоминавшихся уже работ А. Б. Пеньковского, Н. В. Перцова и Н. А. Еськовой, имеется исследование Е. В. Падучевой [2001]. В статье [Падучева 2001], в частности, отмечается, что краткое страдательное причастие с нулевой формой глагола *быть* в настоящем времени в начале XIX в. помимо стательного, как в современном языке, имело еще и акциональное значение, то есть, например, *Москва, спаленная пожаром, французу отдана* (Лермонтов) означает 'была отдана'. Однако исследователи сходятся в том, что такого рода грамматических изменений в русском языке по сравнению с языком Пушкина немного (см. об этом [Добровольский 2001; Падучева 2001])¹⁰.

Прежде чем переходить к рассмотрению типов возможных ситуаций ошибочного понимания, порождаемого ближней семантической эволюцией, приведем список значений глагола *отдохнуть*¹¹, наглядно демонстрирующего обсуждаемый эффект.

2. *Отдохнуть*

Содержание семантической эволюции, которую претерпел на протяжении последних двух веков этот глагол, состояло в утрате связи с идеей дыхания и приобретении связи с идеей утомления: *отдохнуть* в современном языке означает «избыть усталость»; усталость при этом может быть разной природы — физическая, умственная, нервная, эмоциональная или комплексная. В современном русском языке основное (и единственное, если не принимать во внимание совсем новых значений, которые мы здесь обсуждать не будем) значение глагола *отдохнуть* — это 'восстановить физические и/или душевные силы (прервав или прекратив вызывающую утомление деятельность)'. Это значение было у глагола *отдохнуть* уже в XVIII в. и сохранилось практически неизменным до сих пор. Значения I, II и III (см. ниже) исчезли. Что касается значения IV, то оно исчезло в том смысле, что современное значение этого глагола — это результат значительного сужения значения IV. Именно значение IV представляет наибольший интерес с точки зрения эффекта ближней семантической эволюции.

Итак, глагол *отдохнуть* имел следующие значения:

I. 'Восстановить дыхание, отдышаться':

(10) Наконец Степан Петрович умолк, приподнялся, *отдохнул* и начал ходить по комнате (И. С. Тургенев, «Два приятеля», 1853 [Пеньковский 2005: 88]);

(11) Я выпил стакан воды, сел, *отдохнул* и потом прочел следующее послание (...). (О. М. Сомов, «Приказ с того света», 1827 [ruscorpora]¹²);

(12) Я вспыхнул, схватил с земли ружье и, преследуемый звонким, но не злым хохотаньем, убежал к себе в комнату, бросился на постель и закрыл лицо руками. Сердце во мне так и прыгало; мне было очень стыдно и весело: я чувствовал небывалое волнение.

Отдохнув, я причесался, почистился и сошел вниз к чаю (Тургенев, «Первая любовь», 1860)¹³.

II. 'Не умереть, остаться живым':

(13) <...> Для шутки камешек лукнул // И так его зашиб, что чуть он *отдохнул* <...> (И. И. Дмитриев, «Два голубя», 1795 [Пеньковский 2005: 88]);

(14) <...> с одним нахалом казаком, которого за насмешки я хватил неловко по голове нагайкою... да, к частию, он *отдохнул* (М. Н. Загоскин, «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», 1829 [ruscorpora]);

(15) Л ж е д и м и т р и й. Мой бедный конь! <...> Послушай, может быть // Отраны он лишь только заморился // И *отдохнет*.

Пушкин. Куда! он издыхает (Пушкин, «Борис Годунов», 1825);

(16) Я подумал, что дедушка умер <...> Параша, оставя нас одних, также побежала посмотреть, что делается в горнице бедного старого барина. Мне стало еще страшнее; но Параша скоро воротилась и сказала, что дедушка начал было томиться, но опять *отдохнул* (С. Т. Аксаков, «Детские годы Багрова-внука», 1858 [ruscorpora]);

(17) Итак, из всего мною сказанного следует заключить, что есть какие-нибудь другие условия, при содействии которых дохнет рыба под льдом, но что независимо от этих причин рыба *отдыхает*, если будет увеличено сообщение воды с атмосферическим воздухом <...> (С. Т. Аксаков, «Записки об ужении рыбы», 1847).

III. 'Успокоиться, убедившись в том, что опасность миновала':

(18) Целое утро провел он в волнении, чуть было не принял приезжего купца за секунданта и *отдохнул* только тогда, когда лакей принес ему письмо от Стельчинского (И. С. Тургенев, «Затишье», 1854 [Пеньковский 2005: 89]);

(19) «Эй, смотри, сын! ей богу отделаю тебя батогом так, что до представления света будет болеть спина <...>»

Сказавши это, Бульба <...> повернулся на другую сторону и заснул.

Андрей *отдохнул* (Гоголь, «Тарас Бульба», редакция 1835 г. [Пеньковский 2005: 89]);

(20) — Фу, братец как ты меня напугал, — проговорил Заруцкий, садясь на канаве, — насилу могу *отдохнуть!* (М. Н. Загоскин, «Вечер на Хопре», 1834 [ruscorpora]);

(21) «<...> Ей, может быть, нравятся цветы, верховая езда, невинные развлечения, а не сам граф? Да положим даже, что тут есть немного и кокетства: разве это не протительно? другие и старше, да бог знает что делают».

Он *отдохнул*, луч радости блеснул в душе (И. А. Гончаров, «Обыкновенная история», 1847 [ruscorpora]);

(22) Со сна идет к окну сенатор // И видит в лодке по Морской // Плывет военный губернатор // Сенатор обмер: Боже мой! // Сюда, Ванюша! стань немножко // Гляди: что видишь ты в окошко // — Я вижу-с: в лодке генерал // Плывет в ворота, мимо бутки. // Ей богу? — точно-с — кроме шутки? // Да так-с. — Сенатор *отдохнул* // И просит чаю: Слава богу! // Ну! Граф наделал мне тревогу // Я думал: я с ума свихнул (Пушкин, «Медный всадник», черновик, 1833 [Пеньковский 2005: 89]).

IV. Избавившись от эффекта, произведенного каким-то внешним воздействием, вернуться к состоянию покоя или полноты душевных и/или физических сил:

(23) Я пришла сюда *отдохнуть от беседы* господина предводителя и Нельстецова; развяжи нас бог с такими ругателями! (Д. И. Фонвизин, «Выбор гувернера», 1790–1792 [ruscorpora]);

(24) Но не успела она еще *отдохнуть от объяснения* с Паншиным и с матерью, как на нее опять обрушилась гроза, и с такой стороны, откуда она меньше всего ее ожидала (И. С. Тургенев, «Дворянское гнездо», 1859 [ruscorpora]);

(25) Он только что хотел *отдохнуть от проведенной в шумных удовольствиях ночи*, как услышал сильный стук у дверей (А. К. Толстой, «Амена», 1846 [ruscorpora]);

(26) В деревне сей хочу я *отдохнуть от дороги*, и как теперь несколько поздно, то намерен провести ночь в сей пустой избе, дабы не быть в тягость почтенным князьям (В. Т. Нарезный, «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова», 1814 [ruscorpora]);

(27) Григорий Иванович пожал плечами и более с нею не спорил, ибо знал, что противоречием с нее ничего не возьмешь, и пошел *отдыхать от* своей достопримечательной прогулки (Пушкин, «Барышня-крестьянка», 1830 [ruscorpora]);

(28) А вам надо *отдохнуть от дороги* — и *от игры* в дурачки с моим мужем (И. С. Тургенев, «Вешние воды», 1872 [ruscorpora]);

(29) Солдаты, не успевшие *отдохнуть от дневного похода*, падали полусонные в сомкнутых колоннах, офицеры, будто опьянелые, ныряли на своих лошадях (И. И. Лажечников, «Несколько заметок и воспоминаний по поводу статьи „Материалы для биографии А. П. Ермолова“», 1864 [ruscorpora]);

(30) Стародум. Признаюсь, что я рад бы *отдохнуть и от дороги и от всего того, что слышал и что видел* (Д. И. Фонвизин, «Недоросль», 1782 [ruscorpora]);

(31) Ты еще не *отдохнул от* вчерашних своих впечатлений (Ф. М. Достоевский, «Слабое сердце», 1848 [ruscorpora]);

(32) У меня сжалось сердце от этих слов, —я только что *отдохнул от дорожных волнений* и своего первого детского горя, а тут приходилось все начинать снова (Д. Н. Мамин-Сибиряк, «Отрезанный ломоть», 1899 [ruscorpora]);

(33) Помню только, что-то страшно затрепало; помню также остов селедки в волосах старца в капоте, поповскую шляпу, летевшую через всю комнату, бледное лицо Виктора, присевшего в углу, и чью-то рыжую бороду в чьей-то мускулистой руке... Это были последние впечатления, вынесенные мной из «поминального пира», устроенного любезнейшим Сигизмундом Сигизмундовичем в честь бедной Сусанны.

Отдохнув несколько, я отправился к Фустову и рассказал ему все, чему я был свидетелем в течение того дня (И. С. Тургенев, «Несчастливая», 1881 [ruscorpora]);

(34) Сцены нежные в особенности противны в устах этого актера (...)

В четвертом акте я *отдохнул* только, слушая музыку песен Офелии, где композитор понял глубоко если не Офелию Шекспира, то, по крайней мере, момент безумия и судьбу бедной девушки! (А. А. Григорьев, «„Гамлет“ на одном провинциальном театре», 1845 [ruscorpora]);

(35) Какие мгновения истинного блаженства я испытал в эти вечера, когда мы долго беседовали!.. Я *отдохнул* за весь холод, испытанный в моей жизни (А. И. Герцен, «Кто виноват?», 1841–1846 [ruscorpora]);

(36) *Отдохнул* с ними Бакунин за девятилетнее молчание и одиночество (А. И. Герцен, «Былое и думы», часть VII, 1866 [ruscorpora]);

(37) Все кончено, милая, бесценная. Я еду к тебе на воды! Только доведу полк до Дербента — и в седло. Не буду знать усталы днем, ни дремы ночью, куда не *отдохну* в твоих объятиях (А. А. Бестужев-Марлинский, «Аммалат-бек», 1831 [гуссогора]);

(38) Скучая жизнью, томимый суетою, // Я жажду близ тебя, друг нежный, *отдохнуть*... (Пушкин, «Позволь душе моей открыться пред тобою...», 1819).

(39) ⟨...⟩ мы ⟨...⟩ увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой — и *отдохнем*.

⟨...⟩ Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы *отдохнем*... (А. П. Чехов, «Дядя Ваня», 1896).

Это значение — «двухфокусное» (ср. аналогичное устройство глагола *выйти*, включающее фокусы «откуда» и «куда», что определяет набор его переносных значений [см. Падучева 2004: 99–100]). А именно, ‘отдохнуть IV’ содержит два смысловых компонента (которые тоже отсылают, соответственно, к исходной и к конечной точке): ‘избавиться от эффекта, произведенного каким-то внешним воздействием на организм человека (тело, душу, нервы, ум, чувства и т. д.)’ и ‘вернуться к состоянию полноты душевных и/или физических сил’.

Рассмотрим сначала примеры (23)–(32) с предлогом *от*, который вводит либо обозначение источника произведенного эффекта [*от дороги, от прогулки, от беседы, от проведенной в шумных удовольствиях ночи*, примеры (23)–(29)], либо обозначение самого эффекта [*от впечатлений, горя, волнений*, примеры (31)–(32)]. Они все не соответствуют современной норме, но в разной степени и по разным причинам.

Помимо того, что предлог *от* в современном языке редко вводит обозначение единичной ситуации (см. ниже), здесь имеется два содержательных различия. Во-первых, это различие в способе «профилирования». В старом языке в конструкции *отдохнуть от ⟨чего-то⟩* на первом плане находился компонент избавления от эффекта внешнего воздействия, а в новом — компонент восстановления актуального состояния полноты сил. Во-вторых, изменилось то, *от чего* отдыхают. В старом языке это было произведенное на человека каким-то внешним стимулом «впечатление», в том числе — состояние усталости¹⁴. Между тем в новом языке это может быть только усталость: *отдыхает* человек от того, от чего он *устал*; это может быть либо дрящая ситуация (в том числе контакт с каким-то объектом), либо повторяющаяся (и вызывающая чувство утомления, возможно, именно своей повторяемостью). Сейчас можно *отдохнуть от забот, от дел, от суеты, от шума, от Мос-квы, от семьи, от детей, от женщин, от гостей, от людей, от ⟨какой-то⟩ обстановки, от ⟨какой-то⟩ жизни, от пьянства, от безделья, от пустых (умных) разговоров, от ссор, скандалов, выяснения отношений* и т. д. Но, видимо, нельзя **отдохнуть от ссоры с женой* или **отдохнуть от впечатления, произведенного вчерашним кон-*

цртом — потому что и там, и там речь идет не об усталости. И в XIX в., когда именно так говорили [ср. примеры (24), (31)], то имелась в виду ликвидация не усталости, а «впечатления», оставленного в душе упомянутым событием. В современном языке глагол *отдохнуть* такого значения не имеет, поэтому предложения типа (24)–(25) и (31)–(32) не нормативны. (Сейчас смысл выражений типа *отдохнуть после объяснения* точнее было бы передать выражением *прийти в себя*.) Современный читатель либо распознает ненормативность примеров типа (25) и (31), либо понимает их неправильно (с «современным» значением глагола *отдохнуть*), подвергаясь действию эффекта ближней семантической эволюции.

В современном языке «впечатления» могут стать объектом *отдыха* только в том случае, если человек от них *устал*, то есть только если их слишком много. Поэтому сейчас мы говорим *отдохнуть от впечатлений, волнений, страстей, переживаний* и т. д. Можно даже *отдохнуть от дорожных впечатлений* или *вчерашних переживаний* — но именно *отдохнуть*, то есть перестать чувствовать усталость (вызванную этими впечатлениями и переживаниями), а не просто перестать вспоминать и переживать.

Аналогично обозначение событий и действий сейчас могут выступать в качестве объекта глагола *отдохнуть* только в том случае, если они являются источником именно усталости, а не чего-то другого. Поэтому примеры (25)–(29) выглядят почти нормативно. Хотя в современном языке чаще употребляется предлог *после* (*отдохнуть после дороги* (или *с дороги*), *после дневного перехода, бурно проведенной ночи, лекции, тяжелого рабочего дня, концерта, конференции и т. п.*), но употребление предлога *от* тоже возможно. Так, в Национальном корпусе русского языка встречаются сочетания *отдохнуть от утомительного многочасового перелета; от трудной дороги из Китая; от продолжительного шествия; от серьезной тренировки; от родов; от поступления в институт*. Ср. также вполне допустимую фразу *Я еще от вчерашних гостей не успел отдохнуть, а ты уже новых позвала*.

В примерах (33) и (34) глагол *отдохнуть* имеет значение, еще более отличное от современного, которое современным читателем скорее всего не идентифицируется.

Без особого труда, хотя и с некоторой степенью приблизительности, современный читатель восстанавливает «по контексту» значение глагола *отдохнуть* в примерах (35)–(36) — при том что модель управления с предлогом *за*, как и само данное подзначение глагола *отдохнуть*, утрачены.

Наиболее ярко эффект ближней семантической эволюции обнаруживает себя в примерах (37)–(39) — именно потому, что ничто не мешает пониманию этого глагола в современном значении. Тем не менее здесь

реализовано отличное от современного значение, близкое к значению выражения *отдохнуть душой*¹⁵.

Приведем примеры того типа употребления, внутри значения IV, которое сохранилось в современном языке:

(40) С утра опять засели за карты, потом обедали, и когда после обеда Вера пошла к себе в комнату, чтобы *отдохнуть от разговоров и от табачного дыма*, то и там были гости, и она едва не заплакала с отчаяния (А. П. Чехов, «В родном углу», 1897 [ruscorpora]);

(41) Юлии неудержимо захотелось домой на родину; хорошо бы уехать, думала она, и *отдохнуть от семейной жизни, от этого смущения и постоянного сознания*, что она поступила дурно (А. П. Чехов, «Три года», 1895 [ruscorpora]);

(42) Я теперь в деревне, куда уехал *отдохнуть от мучительной суеты* Москвы (Л. Н. Толстой, Письмо И. Б. Файнерману, 29 января 1894 г. [ruscorpora]);

(43) Моя единственная цель, мое задушевное желание — сбросить с себя домашнюю обузу, *отдохнуть от ежеминутного беганья* на открытом воздухе в погоду и непогоду, *от собственноручного перетаскивания нагруженных* разного разностию саней и телег, чтобы поместить на дворе побольше извозчиков и угодить им, *отдохнуть*, наконец *от посылых полупьяных гостей, звона рюмок, полуденных криков* и проч. и проч. (И. С. Никитин, Письмо Н. И. Второву и И. А. Придорогину, 27 октября 1858 г. [ruscorpora]);

Здесь везде то, *от чего* отдыхают, — это дрящящая или повторяющаяся ситуация, вызывающая утомление.

3. Типы ситуаций ошибочного понимания

Назовем теперь возможные ситуации ошибочного понимания, порождаемого семантической эволюцией.

Ситуация 1. В пределах предложения ничто не указывает на то, что значение каких-то слов или выражений, которые в него входят, отличается от современного; то, что это так, требует доказательства. Обычно оно состоит в том, что понимание проблемного слова в современном значении противоречит какому-то аспекту смысла текста в целом — ср. разбор примера (1) из письма Татьяны Онегину. Это эффект ближней семантической эволюции в чистом виде. Он иллюстрируется нашими примерами (1)–(3), (5), (37)–(39); ср. также: «17-ти лет, при выходе ее из монастыря, выдали ее за человека, которого она не успела полюбить и который впоследствии никогда о том не заботился» (Пушкин, «Арап Петра Великого», 1827). Здесь утверждается, что ей «не удалось» полюбить своего мужа, а вовсе не то, что ей «не хватило времени» для этого — как понимает любой филологически неискушенный современный читатель¹⁶.

Ситуация 2. При прочтении с современным значением возникает некоторая странность, но в пределах допустимого, как в примере (4): *дева... их чувства ненавидит*. Подстановка актуального значения слова *ненавидеть*

обеспечивает осмысленное прочтение — которое, однако, не равно тому, которое «имелось в виду» ('презирает, пренебрегает'), то есть происходит искажение замысла автора. Таков, по-видимому, пример (12) из повести Тургенева «Первая любовь»: то, что герой в описываемой ситуации *отдохнул* в современном смысле, представляется несколько странным, хотя и не вовсе невозможным. Сюда же относятся примеры (23), (24), (31)–(34). Здесь также имеет место эффект ближней семантической эволюции.

Ситуация 3. Понимание с современным значением не дает никакого осмысленного прочтения. Таковы все примеры с глаголом *отдохнуть* с (10) по (22) — за исключением, быть может, вышеупомянутого примера (12). Для значений I и II [примеры (10), (11), (13)–(17)] здесь еще возникает аспектуальное различие: *отдохнуть* в этих значениях описывает моментальное событие, что иногда обнаруживает себя в сочетаемости, ср. *чуть он отдохнул* (то есть 'едва выжил') в (13); форма несов. вида *отдыхает* в (17) имеет лишь значение повторяющегося события и проч.

В ситуации 3 возможны две противоположные читательские стратегии¹⁷:

1) человек тем не менее прочитывает фразу, вкладывая в проблемное слово современное значение и так или иначе преодолевая получающуюся смысловую несообразность (и тогда этот случай сводится к предыдущему)¹⁸;

2) человек осознает, что он не понимает, что здесь сказано, и ищет (или не ищет) «разгадку»; если он ее находит, отрицательный эффект ближней семантической эволюции преодолевается.

Приведем некоторые соображения относительно еще двух слов, значение которых у Пушкина отличается от современного.

4. Инвалид

(44) В любви считаюсь *инвалидом*, // Онегин слушал с важным видом, // Как, сердца исповедь любя, // Поэт высказывал себя <...> (ЕО, 2, XIX, 5–8).

По моим наблюдениям, современные читатели в большинстве своем понимают выражение *в любви считаюсь инвалидом* как указывающее на то, что Онегин был неспособен любить. Поскольку эта характеристика вполне согласуется с расхожим представлением об «образе Онегина», который был принят в советском литературоведении и в советской школе [ср. Пеньковский 1999: 182], то недоумения тут не возникает. Тем не менее это понимание неверно.

В «Словаре русского языка XVIII века» слово *инвалид*, помеченное 1735-м годом как заимствование из французского, определяется следующим образом: «Отставной военный, непригодный к воинской службе и используемый в составе особых команд или находящийся на государствен-

ной пенсии» [СЯ XVIII: 90]. Как раз в этом значении используется слово *инвалид* в «Капитанской дочке» (вспомним, что инвалиды выполняли всю основную работу в Белозерской крепости). Обратим внимание на то, что в приведенном толковании вообще нет упоминания какой-либо увечности. Именно в этом значении слово *инвалид* было заимствовано из французского языка, ср. толкование существительного *invalidé* в словаре «Petit Larousse illustré»: «Ancien militaire que l'âge ou l'infirmité ont rendu incapable de servir» = «Бывший военный, который по возрасту или по болезни не может более служить» [Larousse 1989: 534]¹⁹. При Людовике XIV в Париже был построен Hôtel des Invalides, своего рода «Дом ветеранов войны» — одно из знаменитых парижских зданий, в котором находится могила Наполеона и других выдающихся государственных мужей²⁰. Тем самым во французском слове «не-валидность», на которую указывает его внутренняя форма, могла, очевидно, касаться отношения к военной службе, а не физической неполноценности. Значение физической увечности, выражаемое словом *инвалид* в современном русском языке, есть результат семантической эволюции, которая выдвинула на первый план семантический компонент, бывший исходно факультативным.

В «Словаре языка Пушкина» *инвалид* определяется почти точно так же, как в словаре Larousse: «*Вышедший в отставку военный, потерявший трудоспособность вследствие ранений или старости*» [СП, II: 228]. В обоих определениях компонент физической ущербности является факультативным (заметим, что контексты употреблений этого слова у Пушкина сами по себе не дают оснований для включения данного компонента в значение этого слова даже в качестве факультативного)²¹. Семантическая эволюция, поставившая этот компонент в центр значения данного слова, произошла позднее — и безусловно еще позднее возникло современное переносное значение 'человек, не способный к чему-то', которое видит нынешний читатель во фразе (44) — подвергаясь эффекту ближней семантической эволюции.

Впрочем, на то, в каком смысле Онегин был *инвалидом* в любви, Пушкин указывает в предыдущей строфе (таким образом, сравнение любовного опыта с опытом старого отставного военного используется дважды — сначала в одну, а потом в другую сторону):

- (45) Когда прибегнем мы под знамя
 Благоразумной тишины,
 Когда страстей угаснет пламя,
 И нам становятся смешны
 Их своеволие, иль порывы
 И запоздалые отзвывы —
 Смирненные не без труда,
 Мы любим слушать иногда

Страстей чужих язык мятежный
 И нам он сердце шевелит.
 Так точно старый инвалид
 Охотно клонит слух прилежный
 Рассказам юных усачей,
 Забытый в хижине своей.

(ЕО, 2, XVIII)

По-видимому, *инвалид* в языке Пушкина близок к тому, что в современном языке называется *ветеран* — человек, отслуживший в армии или воевавший, то есть имеющий большой опыт в военном деле (в переносном значении — в любом другом деле), ср. [Лотман 2008: 344]. Различие в том, что в слове *ветеран* компонент 'больше не занимается этим делом' имеет статус коннотации, а в пушкинском *инвалид* — составляет часть значения. Называя Онегина *инвалидом* в переносном смысле, Пушкин хочет сказать, что его герой имеет в прошлом большой опыт в любовных делах (или, по крайней мере, так *считается*). Он слушает Ленского «с важным видом» (А. Б. Пеньковский полагает, что здесь нет иронии) — как эксперт.

В подтверждение сказанного приведу мнение известного французского пушкиниста, исследователя и переводчика русской литературы Луи Мартинеза (из частной переписки): «Слово *invalide* в XVII в. имело (во французском языке) соответствующее латинскому оригиналу значение 'не имеющий (больше) сил/способности (нечто делать)', вовсе не обязательно 'увечный'. В современном языке это слово употребляется либо в переносном смысле (*En matière d'internet je suis un vrai invalide* „В отношении интернета я полный инвалид“), либо в бюрократическом языке (в котором оно, впрочем, вытесняется словом *handicapé*). В языке Пушкина слово *инвалид* очевидным образом обозначало 'старый солдат', 'ветеран'».

5. Перевод

(46) <...> Но жалок тот, кто всё предвидит,
 Чья не кружится голова,
 Кто все движенья, все слова
 В их переводе ненавидит,
 Чье сердце опыт остудил
 И забываться запретил!

(ЕО, 4, LI, 9–14)

Первый шаг в решении загадки этих строк состоит в том, что глагол *ненавидеть* здесь, очевидно, имеет значение 'презирать, считать ничтожным' (то же, что и в примерах (3), (4) [ср. Пеньковский 2005: 52]). Главную проблему, однако, составляет значение слова *перевод*.

В «Словаре языка Пушкина» у слова *перевод* выделяется единственное значение «Текст (или устная речь), переведённый на другой язык» [СП, III: 299]; в примере (46) употребление слова *перевод* характеризуется как «перен(осное)». Это, однако, мало нас продвигает в понимании смысла фразы.

Второй пример аналогичного переносного употребления этого слова, приводимый в «Словаре языка Пушкина», такой:

(47) <...> Тебе, мой дядя, в новый год // Веселья прежнего желанье // И слабый сердца перевод — // В стихах и прозою посланье (Письмо В. Л. Пушкину, 28 декабря 1816 г.).
Здесь значение слова *перевод* представляется достаточно прозрачным: речь идет о «переводе» с невербального языка сердца (или языка страстей) на обычный словесный язык, то есть о выражении словами своих душевных переживаний. Приблизительно то же значение имеет глагол *переводить* в примере (48):

(48) Когда тоска обманчивых желаний
Объемлет нас и душу тяготит,
И всюду нас преследует, томит
Предмет один и думы и страданий, —
Не правда ли? в толпе младых друзей
Наперсника мы ищем и находим.
С ним тайный глас мучительных страстей
Наречием восторгов переводим.

(Пушкин, «Гавриилиада», 1821)

Больше ни существительное *перевод*, ни глагол *переводить* в такого рода переносном значении у Пушкина не встречаются.

Обратимся к слову *перевод* в отношении письма Татьяны к Онегину. Безусловно, здесь речь идет о его переводе в буквальном смысле — с французского языка на русский. На это имеется два прямых указания:

(49) <...> Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевести.
Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,
И выражалася с трудом
На языке своем родном,
Итак, писала по-французски...

(ЕО, 3, XXVI)

(50) томной,
Когда б еще ты был со мной,
Я стал бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой:

Чтоб на волшебные напевы
 Переложил ты страстной девы
 Иноплеменные слова.

(ЕО, 3, XXX)

Однако в той строфе, которая непосредственно предваряет текст письма [см. ниже пример (51)], слово *перевод*, по-видимому, имеет сразу два смысла: помимо 'перевод с французского на русский', также и 'перевод с «языка сердца» на обычный словесный язык'. Об этом свидетельствуют, в частности, текстуальные совпадения, ср. *Безумный сердца разговор*; *Неполный, слабый перевод* в примере (51) и строчку *И слабый сердца перевод* из примера (47).

(51) Кто ей внушал и эту нежность,
 И слов любезную небрежность?
 Кто ей внушал умильный вздор,
 Безумный сердца разговор,
 И увлекательный, и вредный?
 Я не могу понять. Но вот
 Неполный, слабый перевод,
 С живой картины список бледный,
 Или разыгранный Фрейшиц
 Перстами робких учениц (...)

(ЕО, 3, XXXI)

С точки зрения интересующей нас проблемы здесь ключевым является словосочетание *безумный сердца разговор*. Именно его переводом является тот текст письма Татьяны, который мы читаем далее. Вернемся теперь к примеру (46).

Оставим пока в стороне слово *движенья*. Что значит, в свете сказанного выше, (...)*все слова в их переводе ненавидит (...)*? Как мы выяснили, слова обычного вербального языка уже являются переводом с «языка сердца». Значит, речь идет о каком-то дальнейшем переводе?

Н. В. Перцов (в устной беседе) высказал предположение, что значение слова *перевод* в примере (46) — уникальное пушкинское словопотребление. Эта гипотеза представляется весьма правдоподобной; по крайней мере, поиск в Национальном корпусе русского языка, в его поэтическом подкорпусе XVIII—XIX вв., а также в текстах ряда авторов начала XIX в. из Русской виртуальной библиотеки (www.rvb.ru) не дал результатов. Единственный пример, демонстрирующий близкое значение, который удалось найти, следующий:

(52) Таковойю тонкою лестью Терентий Иванович всегда достигал своей цели. Родительская любовь согласовалась в нем с хозяйственными расчетами: не обременить голову ребенка было на языке его в некотором смысле *перевод тайного голоса его сердца*: не опорожнить своего кошелька (О. М. Сомов, «Матушка и сынок», 1831 [ruscopora]).

Тем не менее некоторую важную для нас информацию этот пример дает. Здесь слово *перевод* устанавливает определенное семиотическое отношение между двумя обсуждаемыми смыслами, а именно отношение типа «означающее — означаемое», которое обычно выражается глаголами типа *означать*: «не обременять голову ребенка» *означает* «не опорожнить своего кошелька».

Приведем также следующий пример употребления глагола *переводить* (где он тоже близок по смыслу к *означать*):

(53) Я начинал приходить в раздраженное состояние духа, каждый взгляд Ивина ловил на лету и, когда он встречался с глазами Фроста, *переводил* его вопросом: «И зачем он приехал к нам?» (Л. Н. Толстой, «Юность», 1856).

Заметим, что в языке часто одно и то же слово используется для выражения отношения «означающее — означаемое» и отношения между прямым и «истинным» смыслом (то есть тем, что человек «говорит» и тем, что он «имеет в виду» или «хочет сказать» своими словами)²²; таков, например, русский глагол *значить*, нем. *heißen* (ср. *Wie heißt er?* 'Как его зовут?' *Was heißt das?* 'Что это значит?'), англ. *to mean* (ср. *The word A means B* 'Слово А значит В' и *What do you mean?* 'Что ты имеешь в виду?'), а также глагол *сказать* в выражениях типа *Что ты хочешь этим сказать?*, устанавливающий отношение между прямым и «истинным» смыслом (ср. также франц. (*ça*) *veut dire*, итал. *vuol dire* 'значит, означает', букв. 'хочет сказать').

Той же многозначностью потенциально обладает и выражение *в переводе*, которое является контекстным синонимом слова *значит*; ср. синонимию (54а) и (54б):

- (54) а. «Филипп» по-гречески *значит* 'любитель лошадей';
 б. «Филипп» *в переводе* с греческого — это 'любитель лошадей';
 в. «Филипп» по-гречески — это 'любитель лошадей'.

Слово *значит* при этом может быть опущено — ср. синонимию (54а) и (54в)²³. В данной связи интересен английский перевод обсуждаемых пушкинских строк, сделанный Дж. Фейленом, где опущено выражение *в переводе*:

- (55) But wretched he who's too far-sighted,
 Whose head is never fancy-stirred,
 Who hates all *gestures*, each *warm word*,
 As *sentiments* to be derided (...)

[Pushkin 1998: 106]

Вместо него²⁴ помещен сам этот «перевод» [ср. наш пример (54в)], то есть «истинный смысл», или *что эти движенья и слова в переводе значат*: «sentiments to be derided» ($\approx$ ‘чувства, достойные осмеяния’).

В примере (46), таким образом, действительно имеется в виду перевод как толкование, то есть переход от буквального смысла к «истинному»²⁵. И в самом деле, слова — это конвенциональный способ выражать свои чувства вербально (переводить с «языка сердца»). Относительно *движений* можно предположить, что имеются в виду конвенциональные акты — поклоны, улыбки, вздохи и разные мимические жесты, — составляющие, вместе со словами, «язык сердца» (то есть набор способов невербального выражения тех же чувств); при таком понимании комбинация *все движенья, все слова* оказывается оправданна²⁶.

Итак, $\langle \dots \rangle$ *в их переводе ненавидит* означает ‘видит, что их истинный смысл ничтожен’. Тот, кто «всё предвидит», знает, что за увлечением придет скука, что любовь обернется изменой или разочарованием, и т. д.

Заметим, что сочетание *в переводе* включает в себе еще и скрытую предикацию: «тот, кто всё предвидит», отличается от «того, кто хладный ум утомянив, покоится в сердечной неге» (ЕО, 4, LI, 4–5) именно тем, что он эту операцию «перевода» (то есть извлечения «истинного смысла») производит — и тогда оказывается, что то, что получилось, пусто и ничтожно.

Тем самым значение, в котором цитата (46) используется, например, у блоггеров (в контексте молодежного обсуждения неприятия окружающего мира по причине его пустоты и ничтожества), вовсе не является неправильным. Единственная незначительная ошибка здесь (и в этом отношении данная строчка разделяет общую судьбу часто цитируемых выражений, см. ниже) обусловлена эффектом ближней семантической эволюции слова *ненавидеть*.

6. Вместо заключения

Эффект ближней семантической эволюции приобретает особую важность в силу того, что он вплотную соприкасается с феноменом «открытости» художественного текста (по Умберто Эко), признанием роли читателя в его интерпретации, приближающейся к роли автора и т. д. Сошлюсь еще раз на А. Б. Пеньковского, мнение которого по этому вопросу представляется мне совершенно справедливым: подстановка нового значения вместо старого не есть «приращение смысла», она дает «искажение смыслов, порой доходящее до полного извращения» [Пеньковский 1995: 9]. Понимание, возникшее в результате того, что читатель не знает того значения, в котором употребил данное слово автор, и, сам того не замечая, подставляет на его место актуальное для него значение, является

о ш и б о ч н ы м (а не просто «другим», равноправным). Одним из источников такого рода ошибок является эффект ближней семантический эволюции, и задача филолога — его распознать.

С другой стороны, такого рода подстановка и порожаемое ею ошибочное понимание — не случайное явление, а неотъемлемое свойство функционирования языка и текстов на языке, и как таковое должно изучаться. Сюда относятся, в частности: феномен вторичных схождений в истории слов, влияние народной этимологии и разного рода ошибочных интерпретаций на реальное функционирование слова и его семантическую эволюцию (ср. слово *довлеть*, которое приобрело значение 'тяготеть'; многочисленные факты такого рода приведены в статье [Булыгина, Шмелев 2003]). Обратим внимание также на то, что крылатые слова и выражения с поразительной регулярностью используются в качестве цитаты не в том смысле, какой они имели в исходном тексте (а иногда и в прямо противоположном — как это случилось с пушкинской фразой *Народ безмолвствует* [см. Еськова 1999: 67–70]). Среди многочисленных примеров, которые здесь можно привести, назову цитату из «Горя от ума» *И дым отечества нам сладок и приятен*, где в современном употреблении утрачена уступительность, выражаемая словом *и* (= 'даже дым, и тот...'), которая присутствует и в тексте Грибоедова, и в его источниках, восходящих в конечном счете к «Одиссее»²⁷, — в результате чего смысл выражения оказался существенно иным²⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории» (проект «Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи») и ИНТАС (проект 05-1000008-7917 «Ядерная лексика в типологической перспективе: семантические переходы и корреляция форма — значение»).

² Надо сказать, что этот текст не теряет своей популярности среди молодого поколения: из девичьих дневников он перешел в электронные блоги («LiveJournal» и др.).

³ Здесь и далее в примерах выделено мной. — А. Э.

⁴ Ср. употребление этого выражения в старом значении также в посвящении (⟨...⟩ *Но так и быть — рукой пристрастной // Прими собрание пестрых глав* ⟨...⟩ и т. д.), в письме Онегина Татьяне в главе 8 (*Но так и быть: я сам себе // Противиться не в силах боле; // Всё решено: я в вашей воле, // И предаюсь моей судьбе*), а также в гл. 5, X, 7 и гл. 6, XLV, 3.

⁵ Согласно модели Б. А. Успенского, соотношение русского и церковнославянского языков определялось имевшей место вплоть до XVII в. ситуацией диглоссии, характеризующейся тем, что два близкородственных, но разных языка — русский и

церковнославянский — воспринимаются говорящими как один язык в его двух функциональных вариантах [Успенский 1987]. При этом вопрос о том, как решал средневековый русский человек проблему церковнославяно-русской паронимии, представляет собой отдельную исследовательскую задачу (ср. критику концепции Б. А. Успенского в работах М. И. Шапира [1989; и др.]).

⁶ Для начала можно было бы собрать воедино и оформить как «материалы к словарю» результаты анализа таких слов в имеющейся литературе по пушкинистике, прежде всего в работах А. Б. Пеньковского. Пока что в нашем распоряжении имеется лишь указатель лексем к одной из его книг, составленный И. А. Пильщиковым и М. И. Шапиром [Пеньковский 2005: 274–306].

⁷ *Вздохнуть* значит здесь ‘восстановить дыхание, отдышаться’; *ненавидеть* значит ‘презирать, пренебрегать’ [Пеньковский 2005: 80, 52]; выражение *захлебываться желчью* отсылает не к *злости*, как в современном языке, а к *тоске* [Пеньковский 1999: 320]; о значении слова *бережно* см. далее.

⁸ В современном русском языке слово *мгновенный* в этом значении имеет ограниченную сочетаемость (*мгновенная вспышка, мгновенное озарение, мгновенное замешательство* = ‘длвшееся мгновение’); более обычно, в том числе с именами чувств, значение ‘наступивший через мгновение’ (*мгновенный ответ, мгновенный эффект, мгновенная остановка, мгновенная симпатия, мгновенное доверие*), то есть здесь имеется тот же семантический переход, что и в словах *быстрый, скорый*: ‘с большой скоростью’ → ‘через малое время’ [см. Богуславский, Июмдин 1999]. Заметим, что этой полисемией обладает также франц. *vite*; ср., однако, англ. *quickly* ‘с большой скоростью’, но *shortly* ‘через малое время’; то же для нем. *schnell* и *bald*.

⁹ Здесь остается, очевидно, некоторая зона неопределенности, поскольку понимание любого текста включает элемент адаптации имеющегося у читателя знания о значении слов к интерпретируемому тексту. С другой стороны, судить о том, что как понимает современный читатель, не проведя специального исследования, включающего опрос разных групп информантов, довольно трудно. Эти обстоятельства, однако, никак не отменяют важности самого противопоставления.

¹⁰ Грамматическая семантика также изменилась в сторону большей специализации. В частности, вышеупомянутая форма краткого страдательного причастия совмещала три функции, которые в современном языке выражаются разными формами: перфектное состояние (функция, сохранившаяся за этой формой); событие в прошлом (совр. *была отдана*) и непредикативный признак (значение, выражаемое в современном языке полной формой причастия, напр. *выброшенный*, ср. анализ строчки *На берег выброшен грозою* из стихотворения «Арион» в книге [Еськова 1999: 54–59]).

¹¹ Подробнее об этом слове см. [Зализняк 2009].

¹² Пометой «ruscorpora» сопровождаются примеры, взятые из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

¹³ В этом примере совмещены значения I и IV.

¹⁴ Причем эти случаи не различались: усталость трактовалась как одно из возможных «впечатлений», которые ликвидируются путем отдыха, ср. сочиненную конструкцию *отдохнуть от дороги и от всего того, что слышал и что видел* в примере (30), который не содержит никакого элемента совмещения значений или языковой игры.

¹⁵ Комментарий к примеру (39) см. в статье [Зализняк 2009].

¹⁶ О семантической эволюции глагола *устеть* в русском языке см. [Виноградов 1994: 656–658; Зализняк, Левонтина 1996; Плунгян 2004].

¹⁷ В действительности противопоставление здесь вовсе не такое жесткое, потому что от художественного текста, вообще говоря, полной понятности и не ожидается; с другой стороны, источником непонятности является далеко не только значение слов. Тем не менее полезно эти две стратегии в принципе различать.

¹⁸ Дело еще в том, что осознание «странности» текста у разных людей разное. Так, мне приходилось столкнуться с тем, что понимание примера (15) как содержащего глагол *отдохнуть* в современном значении не вызывает недоумения.

¹⁹ Это подзначение фиксируется во французской лексикографии начиная с 6-го издания «Словаря Французской академии» [DAF₆ 1835: 55]. В предшествующих изданиях академического словаря слово *invalidé* в данном значении определяется только как «Infirmé, qui ne scauroit travailler ni gagner sa vie» = «Немошный, который не может не работать, ни зарабатывать себе на жизнь» [DAF₁ 1694: 613; ср. DAF₆ 1835: 55].

²⁰ Уже в XVIII в. в академических словарях цитируемая выше (примеч. 19) дефиниция дополняется разъяснением: «Il se dit particulièrement en parlant De l'Hôtel des Invalides» = «Говорится, в частности, о Доме Инвалидов» [DAF₄ 1762: 949; DAF₅ 1798: 744].

²¹ В «Новом словотолкователе» Н. М. Яновского приводится толкование, в котором компонент физической ущербности занимает более важное место: «Военнаго звания чиновникъ или солдатъ дряхлый, немошный, израненый и изувѣченный на войнѣ, а потому, уже и къ службѣ ни полевой ни гарнизонной неспособный» [Яновский 1803: стб. 822]. Однако употребление слова *инвалид* у Пушкина этому толкованию не соответствует.

²² О понятии «истинного смысла» см. [Зализняк 2004].

²³ Неслучайно один из путей семантической деривации привел его в положение слова-паразита.

²⁴ Его эквивалентом выступает союз *as* 'в качестве <чего-то>; как <что-либо>'.

²⁵ Я благодарна С. Г. Болотову за предложенное им уточнение данной формулировки и за ссылку на Словарь русских народных говоров [СРНГ: 54], где отмечено одно из значений слова *перевести* 'понять, осмыслить'.

²⁶ В пользу такой трактовки слова *движенья* (ср. *gestures* у Фейлена) можно привести, в частности, следующие его употребления у Пушкина (где *движенья* соседствуют с речью и входят в ряд других знаковых элементов поведения):

(56) Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный, // Без томной робости твой ловит светлый взор, // *Движенья* милые, игривый разговор // И след улыбки незабвенной («К***», 1817–1818).

(57) <...> Смотрю на все ее *движенья*, // Внимаю каждый звук *речей* — // И ми единый разлученья // Ужасен для души моей («Увы! за чем она блистает...», 1820).

Ср. также сочетание <...> *Улыбку уст, движенье глаз* <...> (ЕО, 8, Письмо Онегина Татьяне); <...> *Ждут в тайном трепете улыбку, глаз движенья* <...> («К Лицинию», 1815). По мнению Н. В. Перцова (высказанному в устной беседе), для слова *движенья* в примере (46) нельзя исключать значение 'внутренние побуждения, душевные переживания' (ср. франц. *mouvements*). Так или иначе, слово *движенья*

следует отнести к тому списку «трудных» пушкинских слов, которые составляют предмет настоящего обсуждения.

²⁷ Ср. в державинской «Арфе» (1798): ⟨...⟩ *Отечества и дым нам сладок и приятен* (в первой редакции было: ⟨...⟩ *И дым отечества нам сладок и приятен*; так этот стих и процитировал Грибоедов).

²⁸ Я благодарна Н. В. Перцову, чьи соображения относительно смысла разных пушкинских текстов, высказанные им письменно и в частных беседах, а также интерес и участие, проявленные им к моей работе, в значительной степени способствовали ее написанию.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Богуславский, И. М., Л. Л. Иомдин: 1999, 'Семантика быстроты', *Вопросы языкознания*, № 6, 13–30.
- Булыгина, Т. В., А. Д. Шмелев: 2003, 'Русская языковая картина мира в зеркале системных связей', *Русский язык сегодня*, Москва, [вып.] 2: Активные языковые процессы конца XX века, 66–74.
- Виноградов, В. В.: 1994, *История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных*, Москва.
- Добровольский, Д. О.: 2001, 'К динамике узуса: (язык Пушкина и современное словоупотребление)', *Русский язык в научном освещении*. 2001, № 1, 161–178.
- Добровольский, Д. О.: 2003, 'Лексическая сочетаемость в диахронии: (к динамике узуальных норм)', *Русский язык сегодня*, Москва, [вып.] 2: Активные языковые процессы конца XX века, 125–138.
- Добровольский, Д. О.: 2005, 'Факторы сочетаемости: семантика, прагматика, узус', *Русский язык в научном освещении*, 2005, № 2 (10), 43–86.
- Еськова, Н. А.: 1999, *Хорошо ли мы знаем Пушкина?*, Москва.
- Зализняк, Анна А.: 2001, 'Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов»', *Вопросы языкознания*, № 2, 13–25.
- Зализняк, Анна А.: 2004, 'Реконструкция «истинного смысла» реплик в конфликтном диалоге: постановка проблемы', *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции Диалог'2004 («Верхневолжский», 2–7 июня 2004)*, Москва, 205–210.
- Зализняк, Анна А.: 2009, 'Об эволюции концепта *отдыхать* в русском языке', *«Слово — чистое веселье...»: Сборник статей в честь Александра Борисовича Пеньковского*, Москва, 63–76.
- Зализняк, Анна А., И. Б. Левонтина: 1996, 'Отражение национального характера в лексике русского языка: (размышления по поводу книги: A. Wierzbicka, *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*, New York — Oxford 1992)', *Russian Linguistics*, vol. 20, № 2/3, 237–264.
- Лотман Ю. М.: 2008, *Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»*. Комментарий. Москва.
- Падучева, Е. В.: 2001, 'Русский литературный язык до и после Пушкина', *A. S. Pushkin und die kulturelle Identität Rußlands*, Frankfurt am Main etc., 97–108.
- Падучева, Е. В.: 2004, *Динамические модели в семантике лексики*, Москва.

- Пеньковский, А. Б.: 1999, *Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении*, Москва.
- Пеньковский, А. Б.: 2003, *Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении*, Издание 2-е, исправленное и дополненное, Москва.
- Пеньковский, А. Б.: 2004, 'Очерки по семантике русских наречий: бережно, осторожно и др. (от Пушкина до наших дней)', А. Б. Пеньковский, *Очерки по русской семантике*, Москва, 204–238.
- Пеньковский, А. Б.: 2005, *Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики*, Москва (= *Philologica russica et speculativa*; Т. IV).
- Перцов, Н. В.: 2009, 'Размышления о лексической семантике Пушкинской поры и об одном ее «культурном мифе»: (Над книгой А. Б. Пеньковского «Нина...»)', «Слово — чистое веселье...»: *Сборник статей в честь Александра Борисовича Пеньковского*, Москва, 33–62.
- Плунгян, В. А.: 2004, 'Конструкция с успеть и не успеть в русском языке XIX—XX вв.: корпусное исследование', *Русский язык XIX века: Проблемы изучения и лексикографического описания: Материалы Первой Всероссийской научной конференции, 19–21 октября 2004 г.*, С.-Петербург, 112–115.
- Седакова, О. А.: 2005, *Церковнославянско-русские паронимы: Материалы к словарю*, Москва.
- СП—*Словарь языка Пушкина: В 4 т.*, Москва 1956–1961.
- СРНГ—*Словарь русских народных говоров*, Ленинград 1991, вып. 26: Первое—Печатник.
- СЯ XVIII—*Словарь русского языка XVIII века*, С.-Петербург 1997, вып. 9: (Из—Каста).
- Успенский, Б. А.: 1987, *История русского литературного языка (XI—XVII вв.)*, München.
- Шапир, М. И.: 1989, 'Теория «церковнославянско-русской диглоссии» и ее сторонники: По поводу книги Б. А. Успенского *История русского литературного языка (XI—XVII вв.)*', *Russian Linguistics*, vol. 13, № 3, 271–309.
- Яновский, Н.: 1803, *Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Содержащий разные в Российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно...*, С.-Петербург 1803, ч. I: от А до И. Подпись под подношением императору Александру I.
- DAF₁ 1694—*Le Dictionnaire de l'Académie française, dédié au Roi*, Paris 1694, t. II: М—Z.
- DAF₄ 1762—*Dictionnaire de l'Académie française*, 4e édition, Paris 1762, t. I: А—К.
- DAF₅ 1798—*Dictionnaire de l'Académie française, revu, corrigé et augmenté par l'Académie elle-même*, 5e édition, Paris, l'an VII de la République (1798), t. I: А—К.
- DAF₆ 1835—*Dictionnaire de l'Académie française*, 6e édition, Paris 1835, t. II.
- Larousse 1989—*Petit Larousse illustré 1989*, Paris 1988.
- Pushkin, A.: 1998, *Eugene Onegin: A Novel in Verse*, Translated with an Introduction and Notes by J. E. Falen, Oxford—New York.